

Расшифровка интервью

Дата: 25.01.2017

00:00:05

Всё, да, пишем? Виктор Васильевич, ну всё, мы начинаем. Знаете, мой первый вопрос: пожалуйста, расскажите о своих родителях. Как их звали, откуда они, как они познакомились, что окончили и когда вы потом родились.

Простите, ведь это займет много времени.

00:00:26

Да-да-да, да-да, неважно. Мы будем потом выбирать.

Я могу начать?

00:00:31

Да.

Моя мамуля жила в деревне Желтухино, Рязанской области. Это юг Рязанской области. Папуля мой жил в соседней деревне. Название у этой деревни забавное Косыревка Большая, потому что в этой деревне было много домов. А в деревне мамули тоже было много домов. Если мне память не изменяет, 80 дворов. Мамулю зовут Надежда Павловна, девичья фамилия Ермишкина, а папулю — Василий Андреевич Кузнецов, из семьи кузнецов, все были кузнецы. Познакомились они на большом луге, который был между деревень, около реки Моша. Была очередная вечеринка молодежи двух деревень, и на этой вечеринке они познакомились. Папуля был ростом метр 84, и его легко можно было в толпе отличить. Моя мамуля тоже была довольно рослая. Видимо, метр 68, если мне память не изменяет. Познакомились они в начале 1935 года. И видимо, сразу же они прижились по сердцу друг к другу. И быстро сразу же женились. Потому что я родился 1936 года 28 января. В самом начале года. Значит, они насчет ребенка не тянули. Папа маме предложил приехать в Пушкино. У него здесь были знакомые с 1931 года. У него здесь был знакомый, друг Василий Родионович Шацков, ровесник его, папа мой с 1913 года. Они здесь в Пушкино получили кусок земли и решили на этом куске земли собрать дом. Дом они купили в соседней деревне Гусиловка. Дом поповский, очень большой. Метров, наверное, 150, если не больше, квадратных метров в этом доме. Они собрали его. Там сначала разобрали, а здесь разобрали очень быстро. Летом уже 1935 года дом был собран. Что-то папа со своим другом Василием Родионовичем, дополнительно подстраивали они. Я помню, что, когда мне было пять лет в 1941 году, мой папуля и Василий Родионович на этих высоких козлах пилили бревна на доски. И для чего-то их использовали. Почему я это особенно запомнил? Мне было пять лет, и мне, конечно, было приятно, когда Василий Родионович, стоя вверх, тянул на себя эту длинную пилу, мне говорит: «Малыш, смотри, из-под пилы падают конфеты». И правда, одна конфета выпала. Потом я ее слопал. Некоторое время спустя — опять еще конфета. Поскольку для ребенка это из ряда вон выходящее явление, то я это, естественно, запомнил. Папуля уже в 1939 году был взят в армию, и он поступил в военное авиационное училище, учился на летчика. Но одновременно на этом аэродроме он работал шофером. Я запомнил в 1941 году его в этой форме. Форма была такая... из какого-то материала, который был похож на цигейку. Штаны, кожа наверх, куртка, шапка, унты — тоже, видимо, были из цигейки. Серая такая цигейка. И вот как-то он куда-то уходил, и мамуля, и я, мне уже было пять лет, мамуля и я провожали его до станции. Вам это ничего не говорит. Здесь в одном месте на Московском проспекте есть магазин «Метатр». А в 1941 году, в июне, вокруг была зелень, деревья, и среди этой зелени была голубенькая палаточка, в которой он купил мне пирожное. И опять это у меня осталось в памяти, потому что было хорошее подкрепление памяти сладостью. Потом я уже папу больше не видел. Училище было расположено в Клязьме. По-видимому, мамуля постоянно туда ездила. Как вам известно, 22 июня началась война, и папулино училище переведено было в Кратово. Это по Казанской дороге. И мамуля, конечно... От меня ей было трудно туда ездить, тем более что она уже в это время была беременна моей будущей... дочерью [сестрой] Галиной Васильевной. Мамуля работала в каком-то военном заводе в Москве. Я хорошо помню, что она ездила на авто... на трамвае, который назывался «Аннушка». Был такой трамвай. А поскольку началась война, и почти в первые же дни бомбили Москву немцы, и в Москве начались беспорядки, трамваи ходили иногда с большим перерывом и даже с опозданиями. И мама опоздала на военный завод на 15 минут. А как вы понимаете, во время войны были очень строгие порядки, ее, хотя она была беременная, ее арестовали и осудили на один год принудительных... труд. Труд, принудительного труда. А поскольку она должна была с минуты на минуту родить, то ей дали возможность родить Галину. Она родила 3 октября. А куда ей деть грудного ребенка и меня

пятилетнего? Видимо, она сама решила, что ей нужно меня и Галину отвезти к бабушке в деревню. Ей, видимо, разрешили. Она отвезла нас двоих. Галину грудную. Это произошло в конце октября. И вернулась назад. Как она потом рассказывала, сразу же короткий суд — и ее отправили рыть окопы под Клином. Немцы очень быстро, вы знаете, уже подошли к Москве. И целый год она рыла окопы под Клином. Есть хорошая книга...

00:13:47

Ну потом мы снимем, отдельно, потом.

Есть хорошая книга, в которой есть изображение женщин, работающих на карьерах, на рытье каких-то рвов. Вот мамуля тоже там занималась. Я хочу сейчас забавную штуку сказать. Видимо, грудного ребенка, Галину, кормили козьим молоком. Это очень питательное молоко. А я, наверное, его не ел. Бабушка кормила меня коровьим. И вот сколько десятков лет прошло, Галина по-прежнему покупала в новой деревне, это здесь недалеко, козье молоко и ела без всякого, без всякого ущерба и неприятностей. А я как-то у нее выпросил стаканчик и с хлебом съел. И, простите за подробности, из одного места полтора суток я не выходил. Провалиться пропад[ом] этому козьему молоку. Осенью 1942 года мамуля вернулась из-под Клина, где, я уже говорил, она рыла окопы. А летом 1942 года мой папуля что-то ляпнул против Сталина. Его сразу арестовали. Конечно, из этого училища поперли, и он попал на заводы под Нижним Тагилом в июле 1942 года. Это тяжелые годы для нашей Родины. Не хватало еды не только военным, и гражданским в тылу тоже не хватало хлеба, еды. И, видимо, он еще, как это говорят, строптивый. И он попадал там часто, мама говорила, в карцеры. И 26 февраля 1943 года он умер от пеллагры. Пеллагра — это вежливое название голода, так утверждают многие. Тогда он просто умер от голода в тюремной больнице под Нижним Тагилом. За то, что он что-то сказал, ему дали по статье 58.10, 10 лет. Но право... Без... То есть с правом переписки. И, насколько я помню, мамуля какое-то время хранила эти письма. И много, наверное, было фотографий. Но, к сожалению, после смерти папы от голода в тюремной больнице мама, боясь, что ей будет сложнее и как-то ее будут прижимать, она многие документы уничтожила. В том числе, прежде всего, письма. А фотографии оставались. Наступил 1947 год. С 1 января 1941 года отменили карточки. До этого я вместе с мамулей ходил стоять в очередях, чтобы купить... получить хлеб по карточкам. А с 1 января 1947 года хлеб стал продаваться в очереди, то есть свободно. Но его еще мало выпекали. Поэтому в большом магазине номер 6 на Московском проспекте — сейчас там большой промышленный магазин — эти очереди были очень большими. И часто последним людям в очереди не хватало хлеба. Чтобы хоть как-то питаться — карточек уже нету, — очень часто последние в очереди требовали от продавцов, чтобы продавали в одни руки только одну буханку хлеба. Вот сейчас уже давно у нас напротив бочка с молоком, и там иногда часто бывает очередь. И я когда подхожу и вижу, что стоит очередь, мне всегда хочется сказать: «Сергей Алексеевич, — это продавец молока, — в одни руки только по литру». Но, правда, я этого ни разу не сделал, потому что, конечно, решат, что я сумасшедший, потому что все остальные там моложе меня. Я самый старый в этой компании, которая приходит за этим молоком. До 1949 года мне мамуля ничего не говорила: за что попал в тюрьму и в лагерь папуля. А в 1949 году мне было уже 13 лет, и она считала, что наступило время, можно сказать, за что папа попал в тюрьму и почему умер там. Причем, я хочу на это тоже обратить внимание, казалось бы, мы в доме в своем. Никаких подслушивающих аппаратов. Всё равно она мне шептала всё это, как будто бы боясь, что нас кто-то подслушает. И она говорила: «Ни в коем случае не говори никому о том, за что пострадал твой папа. Особенно в школе, это может повредить твоему будущему». И в тот... То есть... Да, в 1949 году впервые я увидел вот эту книгу: «Беломорканал имени Сталина, Беломоро-Балтийский канал». Ну что такое ребенок в 14 лет, ему это не так интересно. Но я всё-таки полистал. И на какой-то картиночке она говорит: «Вот я вот так работала целый год под Клином». Там фотографии каких-то женщин, которые катят тачки с землей. Но поскольку мальчишка любопытный, и я тоже был любопытный, этот большой чердак папиного дома я — там много было пыли, паутины — облазил. Очень большой чердак. И в одном каком-то уголке я нашел завернутым газетами сверток довольно большой. Как мне показалось. Мне было интересно: а что же там такое? Мамуле я не стал об этом говорить. А так я аккуратненько развязал эти веревочки и стал смотреть, что там. И вижу, что там брошюрки. Такие тоненькие книжечки. Вот как это.

00:25:59

Да неважно, ага, вы рассказываете.

Книжечки. А я уже читал достаточно в 13 лет, конечно, хорошо. И на этих книжечках было написано «Карацупа и Руслан». Помните, был такой?

00:26:23

Пограничник.

Да, но и не только это. А было еще много зелененьких брошюр, на которых было написано «Бело-финская война». Только потом с годами я понял, что это такое. И этот сверток опять завернул и оставил там. Куда они делись, не знаю. Может быть, мама... мамуля как-нибудь туда зашла и всё это уничтожила. А эту книгу она оставила и мне сказала: «Ты эту книгу никому не показывай, но береги. Это книга из рук папы». Книга эта вышла в 1934 году. Значит, ему уже было... он с 1913 года...

00:27:42

21

Ему 17 и еще 4 — 21 год. Я не знаю, как она попала к папуле в руки, эта книга, но потом, когда я ее уже повнимательнее, будучи более взрослым, повнимательнее рассмотрел, я обратил внимание на то, что там, в этой книге, некоторые страницы вырваны, а некоторые фамилии зачеркнуты фиолетовыми чернилами. Но при желании это можно прочитать. Простите. Эту я книгу хранил всё время в доме у мамы. Потом в 1952 году уже моя бабуля переехала из деревни сюда. Она продала в 1950 году вот этот дом. Как это называется? Пятистенка. Который был построен дедом Павлом в 1910 году. Пятистенка, я думаю, вы понимаете, что значит. Домов кирпичных в бабушкиной деревне было всего-навсего пять. Я думаю, что бабушкин дом и вся семья считалась зажиточной, потому что у бабушки было 11 детей.

00:30:11

На втором курсе заставили поступить в комсомол. Хотя, как вы понимаете, Валерий Николаевич, мне совсем не хотелось поступать в комсомол. Но заставили. С отличием я кончил художественное училище, и меня прижал райвоенкомат, грозя забрать меня в армию. А мне опять-таки не хотелось служить в армии. И я поступил в Московский художественно-графический педагогический институт. И успел сдать справку о том, что я поступил в институт, в райвоенкомат. Тогда с института было много молодежи, в армию не брали. И я благополучно в 1961 году с отличием закончил институт. Женился. У меня появился сын. Еще когда я учился в институте, у меня было много друзей, у которых было такое же настроение, как и у меня, — неприятие вот этого порядка в нашей стране. Ни у меня, ни у моих единомышленников не укладывалось в голове, как это так: люди, которые принимали участие в проведении так называемой революции, потом оказались врагами народов и шпионами, и английскими, и французскими, и немецкими. Я этому никогда не верил. И вот это неверие привело к тому, что я стал вместе с друзьями копаться в газетах, в книжечках. И понемножку я решил для себя, что эта система, так называемая советская, ужасная. Я помнил, что у бабули никогда не было паспорта. Даже когда она переехала сюда, у нее всё еще не было паспорта, и этих 12 рублей 50 копеек она не получила. Это была колхозная пенсия. И тогда еще, когда я учился в институте, я решил, и не только я, а и мои сотоварищи, что это крепостной порядок, крепостное государство. Право. Крепостное государственное право. Да так оно и было. И вот поскольку у меня были друзья, единомышленники, круг их расширился, расширился, расширился. И у меня появились друзья, которые занимались самиздатом. Вы знаете, что это? Появились друзья, которые получали какие-то книги, и даже иногда с заграницы. И эти книги перепечатывали, размножали на пишущих машинках. У меня было очень много книг самиздата, и я давал эти книги своим друзьям. В конце 1960-х годов... Нет, в первый раз я выступил в МГУ в 1965 году, в марте. Это есть об этом сообщение в интернете. В марте в МГУ был проведен диспут на тему: «Цинизм и общественные идеалы». Получилось так, что основной докладчик не был, не появился. И я выступил, спустился в северную аудиторию с верхохуры и выступил перед студентами. Говорил я полтора часа. О чем я говорил? Я говорил о том, что сейчас называется Великой Октябрьской революцией. Я говорил о том, что это был незаконный переворот, захват власти преступными элементами так называемой большевистской партии. После моего выступления там кто-то из преподавателей пытался что-то сказать, но публика его застучала ногами. Вы не знаете, как это делается? Да, да, совершенно верно. И не дали ему говорить. Но его попытка спасла его в партии. Его не поперли. А всех остальных там очень много было разогнано. И после этого моего выступления в МГУ никаких диспутов не было и по сей поры. Но когда я уже выходил из этой северной аудитории, это самая большая аудитория в МГУ, меня у дверей остановили так называемые дружинники с красными повязками на рукавах. Я до сих пор помню одного этого, простите, негодяя, фамилия его Грошавень. Потом я встречал, уже после отсидки, его фамилию среди работников КГБ. Но его попытка меня задержать провалилась, потому что студенты, они все остальные были помоложе, меня оттеснили от этого отряда из трех дружинников и проводили меня до метро «Университет». А я выступил под чужой фамилией. Я не назвался, памятуя о том, что обязательно меня — а я уже работал в агентстве печати «Новости» художником — меня заберут. В 1966 году в Доме дружбы народов, знаете, может быть, хороший роскошный дом, о нем есть хорошее стихотворение у Дона-Аминадо, если мне память не изменяет. Только я хотел выступить, но в этот раз я представился, назвал свою фамилию, имя и отчество, видимо, работники КГБ сразу выключили свет в зале, и меня в темноте под белые рученьки —

и арестовали. Я был три месяца под арестом, но поскольку, видимо, как они решили, что у меня не накопилось материала, за котор[ый] можно меня посадить, они еще не знали, что я занимаюсь книгами, антисоветской литературой, еще обысков не было, поэтому они через три месяца меня выпустили. Но, по-видимому, хотя я не думал, чтобы из-за такого незначительного человека, как я, могли бы за таким незначительным человеком устроить слежку, но, видимо, слежка была. И вот в 1969 году я снимал зимнюю дачу со своей семьей. Где-то надо было жить. Летом я подешевле выбирал дачу, а зимой приходилось... Нагрянули ко мне кагэбэшники. Первое время они, видимо, какое-то время за мной следили из окошка газовой будки, стоявшей в переулке напротив калитки. А у меня как проходной двор: приходили друзья, уходили. Я возил книги, менялся, привозил. И вот нагрянула шайка бандитов из КГБ во главе с майором Быковым Вениамином Михайловичем. Сразу меня в Лефортовскую тюрьму, в одиночку. И держали полгода в одиночке. Собственно, пять месяцев в одиночке я был, а в течение месяца последнего ко мне в пересылку подсаживали трех тоже заключенных: бельгийца по национальности, калмыка, который во время Великой Отечественной войны попал к немцам в плен и, находясь в Западной Германии, бежал из этих немецких лагерей в Бельгию. А на лице у него написано, что он азиат, калмык. И вот он решил в 1969 году поехать на родину как турист. А в паспорте-то калмыцкая фамилия, имя и, главное, лицо. Он был у меня неделю и потом его по этапу отправили. Потом ко мне подсадили Валерия Луканова из города Рошаль. Он в 1968 году, когда была заварушка, если мне память не изменяет, в Чехословакии, он на балконе, на втором этаже повесил лозунг: «Оккупанты, вон из Чехословакии». Три года тюрьмы. И неделю он побывал у меня и тоже... Курил, собака. А потом вдруг посадили еще одного зэка, совсем молодого человека, 19 лет, Женя. Фамилию, простите, не могу припомнить. Какой-то, видимо, или узбек, или таджик. За что его посадили? За то, что он писал письма с угрозами работникам райкома, обкома. И эти письма отправлял через почту в эти организации. Сколько же нужно было посадить за ученические сочинения в школе, в школах, чтобы по почерку найти фамилию этого человека и потом выслеживать, когда он очередное письмо опустит в ящик. Его взяли, как говорят, на месте преступления, он опускал в почтовый ящик очередное письмо с угрозами. Три года спецтюрьмы. Потом, наверное, недели полторы, я остался опять в одиночке. За эти шесть месяцев два раза я чуть не попал в карцер на хлеб и воду за перестукивание. Бестужевку я знал еще на воле. Вы знаете, что такое бестужевка?

00:48:32

Это...

Это система такая, когда русский алфавит не весь, без твердого знака, без и краткого, без мягкого знака. Пять на пять. «А» буква — это значит один удар. Это первый ряд, первая буква. «А», «б». Один раз, два раза — буква «б». И вот за перестукиванием меня Петренко, имя и отчество не помню, начальник Лефортовской тюрьмы, дважды меня накрывал. Распахивалась дверь. У него хороший голос. И он мне говорил: «Ну что, Кузнецов, в карцер захотели?» Ну, конечно, я сразу, что называется, сникал и говорил... я сейчас не помню, как его звали. Кажется, Николай Петрович. Я говорю: «Николай Петрович, вы меня, пожалуйста, простите. Какой-то мерзавец рас... рас...» Вот когда растратчивает деньги...

00:49:55

Растратчивает.

Растратчик попался, с одной стороны камера. А здесь — разглашатель государственной тайны. «Какие-то негодяи. Пересадите меня в какую-нибудь другую камеру». Ну, он говорит: «Ладно, но чтоб не перестукивались». Но я, видимо, опять упустил момент, когда они... И меня второй раз. Ну, правда, и второй раз меня помиловали. Я думаю, что очень важную роль в том, что меня помиловали и со мной очень вежливо обращались, потому что я сам был со всеми надзирателями, судьями, следователями, с Николаем Петровичем Петренко был очень вежливый. И вот когда последняя встреча у меня была на Лубянке с генералом, как вы понимаете, мне его не представили, посадили меня на стул перед ним. А он сидел за столом напротив меня, и два надзирателя с боков. Ну, и они, конечно, требовали от меня самое главное: чтобы я признал себя виновным и назвал людей, от которых я получал литературу для размножения. Ну, как вы понимаете, я этого сказать им не мог. Тогда этот генерал встал, подошел ко мне и стал на меня орать. Я подозреваю, что это был Серов. Я потом видел его в телевизоре. Стал на меня орать. А я до этого хорошо был знаком с хатха-йогой. И я сказал ему, что «если вы будете на меня орать, я вообще с вами разговаривать не буду». И сел так, как рекомендуют йоги. Колени вместе, руки вот так, опустить голову как можно ниже, закрыть глаза и заткнуть уши. Поорал, поорал. Ну, правда, довольно долго разорвался. Наверное, минут пять или шесть. Но потом отпустили меня. Тогда уже, вы, наверное, знаете, Валерий Николаевич, что в это время уже не били, не подвергали пыткам. Никто ни разу меня не ударил. Ни Быков, ни другие следователи. И этот генерал тоже ни разу не коснулся меня рукой. И вот наступило время. Отправили меня... Стопилов, Стопилов... Был такой

политический деятель, вагон...

00:54:37

Столыпин, Столыпин.

Столыпин, да. В столыпинском вагоне меня отправили в Казань. СТ148. СТ148. Не знаю, неужели я представлял так[ую] угрозу[у] для государства, что через двух железных путей, из вагона в эту машину, эзковскую машину, с одной стороны три автоматчика с овчарками, и с другой стороны тоже три автоматчика с овчарками. Но правда, я у эзков узнал, что не только меня, а из этого вагона, из столыпинского вагона отправляли и преступников-убийц. Они, конечно, действительно могли представ[ля]ть какую-то опасность. Я не знаю, вы представляете себе, что такое столыпинский вагон? Это как купированный вагон, но только вдоль всего длинного коридора решетка, так что надзиратель, проходя по коридору, видит через решетку, что там делают заключенные. Но пока он идет в один край, можно поинтересоваться, кто сидит рядом. Я постучался, и там какой-то убийца, один труп. Мне это не интересно. Но всё-таки я ему предложил через решетку три яблочка. Всё равно жалко. Какой ни на есть, а всё равно человек. Так вот, попал я в эту тюрьму. Первый завтрак — я решил: всё, я тут, как папуля, с голоду умру. На завтрак была жидкая геркулесовая каша на воде. Какая-то синяя. Хорошо, что у меня была передача, которую мне дали: сырокопченая колбаса и сыр. А хлеба кусочек дали. Но слава богу, что обед уже был относительно более-менее нормальный, потому что сняли с должности начальника режима, который воровал налево и направо. Полтора месяца я шил какие-то наволочки, простынки, пододеяльники. А потом они решили меня использовать, поскольку я художник, как художника: предложили мне выпускать газету «Начеку». Но я делал только, как они называют, шапку, вверх. Там, к 23 Февраля, 8 Марта, к Октябрьской революции, к 1 января. А что там внизу, я никогда не видел. Но вот уровень грамотности этих людей показала записочка, которую мне дал начальник режима. «Начеку» было написано отдельно: «На чеку». Я, конечно, не стал ничего говорить. Зачем мне лишний раз злить? Я написал правильно. И потом я был освобожден от всего остального, выпускал только эти газеты. За это они мне разрешили рисовать в камере. У меня есть рисунки в камере, эзков. И еще я рисовал соусом, это такая техника, каких-то военных, лейтенантов, майоров, капитанов. С фотографий. Которых я никогда не видел. Я видел надзирателя, раз в месяц парикмахершу, стригли наголо. А потом мне начальник режима говорит: «Кузнецов, вы можете не стричься, можете отпустить волосы». Я говорю: «Хорошо, хорошо». Но я волосы отпускать не стал. Мне просто было бы неудобно перед остальными эзками. Постепенно мы в свою камеру из других камер собрали семь политиков. И четыре остались уголовника. У одного два трупа, а у этих по одному трупу. Но когда мы хотели восьмого и девятого политика перевести в нашу камеру, начальник режима сказал: «Вы что там, хотите создать партию?» И всё. И нам больше... Ну вы знаете, спать с убийцами небольшое удовольствие. Иногда засыпаешь и думаешь: господи, проснешься? Я раз там позволил себе грубость. Как раз с убийцей. На час нас выпускали во двор на прогулку. Там была волейбольная площадка. И была очередь моя играть в волейбол. А один из этих уголовников не хотел мне уступать место. Я сейчас не помню, как его звали. Его как раз... Его нары как раз были рядом со мной. Я всё-таки встал перед ним и думаю: раз он не хочет мирно со мной разойтись... Стоя на одной ног[е], на левой ноге, а правой ногой я его зацепил и слегка плечом толкнул. А поскольку его ноги были захвачены моими, то он плюхнулся во весь рост на спину, на землю. И конечно, встал, вскочил, стал орать на меня, полез с кулаками. Но [на] площадке было два надзирателя. Они сразу подбежали к нам и его оттиснули, тем более они видели, что я прав. И опять, как в Лефортово, я чуть не попал в карцер, на хлеб и воду. Но поскольку всё-таки я делал для них газету, они меня оставили в покое, но попросили не связываться, «чтобы вам бы хуже не было». И я уже не связывался. Я не знаю, Валерий Николаевич, интересно вам будет знать, с кем я сидел из политиков? Я только коротко или пополюе?

01:05:28

Давайте коротко, а потом, если интересно будет, я буду задавать [вопросы].

Кого только не было! Эстонец, украинец Корчак, эстонец Эрик Ледберг, башкир Тимирбеков Камиль Хусамович, татарин казанский, Сандро Нишарадзе, по-моему, да, фамилия, грузин. И армянин Петросян. Такая известная фамилия. Ну правда, Петросян... у него там труп. А все остальные политики были. Ну еще там три было с трупами. Удивительный набор. Был такой Алексей Румянцев. Сам его папуля в это время был редактором экономической газеты в Москве, а сынок попал в тюрьму на три года за то, что он распространял, читал, как это называется... Мао Цзэдуна, книжечки?

01:07:00

Цитатник.

Цитатники. Цитатники Мао Цзэдуна. Ну, знаете, ну идиот идиотом. Господи! А вот Корчак Володя, ну какой он украинец, русский наш. По пьянке попал. Ну, серьезный срок, пять лет, очень любопытно. У него было хорошее высшее морское образование, но советское. Он был судомеханик. «Захотелось... Мне захотелось за границу. У меня на Черноморском флоте были друзья, они меня раз-два — и в Румынию. А из Румынии я там перебрался в Турцию, а потом Германию. А в Германии наши документы не признают. Я в Гамбурге, — он с хорошим немецким языком, — в Гамбурге кончил мореходку. И стал плавать на сухогрузе, вез лес из Архангельска в Германию». Ну, русский человек, ну как не выпить в Архангельске. Он выпил в каком-то, как он сказал, в кабаке и стал скандалить по-русски. Кагэбэшники засекли его. И в первую поездку не взяли его. Он уплыл в Германию, а месяца через два опять приплыл и опять набрался. И опять орал, и опять скандалил. Ну, тут его, конечно, под белые рученьки — и пять лет.

01:09:14

Виктор Васильевич, простите, я вас перебыю, это невероятно интересно, я боюсь, у нас просто закончится здесь пленка. Мне бы хотелось задать вам вопросы какие-то вот именно по первой части.

Простите?

01:09:27

Мне бы хотелось чтобы вы... Я боюсь у нас закончится [пленка]. Поэтому мы сжато. Вопросы. Скажите, вот у вас репрессировали папу, у вас репрессировали маму.

Да. Сначала папу.

01:09:40

Да-да-да. Вы сталкивались с каким-то отношением негативным к вам как сын врага народа в детстве?

Валерий Николаевич, я уже говорил, что когда мамуля в 1949 году открыла мне правду об отце, она меня предупредила, чтобы я языком своим не молот нигде о том, что я сын репрессированного. Я старался это делать. Никогда я об этом не говорил. Да, и об отсидке, о моей отсидке я тоже после возвращения в 1972 году из тюрьмы, я старался никому не говорить. Боялся, во-первых, потому что в редакциях, где я был внештатным художником, мне могут не давать работы. А это моя была основная работа. Внештатным художником я работал: «Совэкспортфильм», «Интурреклама», «Панорама» и еще какая-то...

01:11:21

Виктор Васильевич, но ведь вы когда поступали в училище, потом в институт, там же анкеты — родители, где, что, вы же заполняли.

Да.

01:11:29

Как вы вот с этим?

Я этого не писал. Было официальное извещение: пропал без вести. И я это говорил и писал. Мамуля говорила: «Вот постоянно делай это. Упор делай на то, что папа пропал без вести».

01:11:57

Скажите, после того как мама вернулась, после этого года, но это всё равно исправительные работы, как это называлось, как сложилась ее дальнейшая судьба вашей мамы?

Что, простите?

01:12:09

Как сложилась дальнейшая судьба вашей мамы?

Работа?

01:12:13

Ну, работа и судьба, да, да, да.

Ну, на военный завод, насколько ее... не взяли. Если мне память не изменяет, какое-то время она работала в торговле. Это продолжалось, думаю, до 1946 года. А потом мамуля устроилась, не знаю, с трудом или нет. К сожалению, не всё я расспрашивал тогда, ни у бабули, ни у мамули. А уж про папулю и говорить нечего. Она стала потом работать в какой-то организации сестрой-хозяйкой и могла через эту организацию каждое лето меня отправлять хотя бы на одну очередь в пионерский лагерь. Это продолжалось до [тех пор], пока я не поступил в художественное училище. Тут уже мне было некогда в пионерских лагерях ехать, ездить. Я работал, работал художником в клубах и кинотеатрах от Мытищ до Софрино с одним своим приятелем, тоже художником. Мне приходилось таким образом мамуле помогать. Ей было трудно одной с тремя детьми. Отчим, который появился в 1950 году, к сожалению, был большой любитель выпить, и поэтому у мамы были всегда сложности с деньгами. Я каждые каникулы подрабатывал художником-оформителем. И в институте тоже. Ну уж, конечно, когда кончил институт, я уже...

01:14:50

Виктор Васильевич, а часто ли ваша мама вспоминала папу и в каких ситуациях?

Вы знаете, Валерий Николаевич, мне даже как-то странно это говорить. До 1949 года, когда мне стало 13 лет, она всё время ждала папу. Вы, наверное, не знаете «Двухмужняя», рассказ Шолохова. Там рассказывается об одной женщине, у которой пропал муж на фронте в Первой мировой войне. А потом прошло после окончания войны четыре года — и вдруг он, оказывается, был в румынском плену, он появился. Мама была большая любительница читать. Ей очень нравился Шолохов, и она этот рассказ хорошо знала. И до 1949 года, когда появился отчим, она всё ждала папу, не веря сообщениям из Нижнего Тагила. Поэтому для нее... Мне трудно говорить... Ком в горле. Для моей мамы была самая любимая песня — это «Солнце скрылось за горой». Там говорится о солдатах, которые...

01:17:17

Шли домой с войны.

Да. Да.

01:17:22

Виктор Васильевич, а как ваша мама относилась... Она же всё понимала, она сама это прошла. Как она относилась к советской власти и к Сталину?

Валерий Николаевич, вы знаете, мне даже говорить вам это не надо. Она ненавидела всех, начиная с Владимира Ильича Ульянова, у которого кликуха Ленин, а уж Джугашвили... Это при нем папулю и арестовали, и уморили голодом. Она его терпеть не могла. Ненависть такая какая-то звериная, но она никому этого не показывала, Валерий Николаевич. Она боялась этого как огня.

01:18:32

И ей тяжело было, наверное, держать в себе вот это и не показывать.

Да. Да. Мамуля...

01:18:42

Виктор Васильевич, может быть, это ваше диссидентство какое-то, которое было потом, от нее тоже вы как-то впитали?

Я думаю, Валерий Николаевич, вы правы. Я думаю, что мало того, что я узнал о папуле всё, что я вам рассказал, но вот это состояние мамули, конечно, не могло не перейти ко мне. Я, простите, не знаю, как вы или Александр Валерьевич, не знаю, как относится к Сталину, а я считаю, это такое зло.

01:19:35

Я считаю так же. Тут двойного быть не может, второго мнения какого-то. Это однозначно совершенно.

Валерий Николаевич, как-то я еду к своей приятельнице в гости. Стоим у подъезда, прощаемся со своим знакомым, который нас подвез. Вдруг как сумасшедший ко мне подска[ки]вает посторонний человек. Я не знаю, почему ко мне. И мне говорит: «Вы считаете Сталина

гением?» Я говорю: «Вы знаете, я на эту тему с вами...» А видно, он или сумасшедший, или же он пьяный, но скорее сумасшедший. Я сказал: «Я на эту тему с вами не могу говорить. Во-первых, я иду на выпивку, как я говорю», — а и правда мы на день рождения [идем]. Ну вы знаете, как не выпить в компании? И я с ним не стал разговаривать. Валерий Николаевич, вот она до сих пор, эта партия, существует, КПРФ. Он, Зюганов даже не понимает, что значит «коммунистическое». Вот вы, если у вас будет возможность, спросите его: что такое? А я вам скажу, что такое коммунистическое? Коммунистическое — это прежде всего однопартийность и отсутствие частной собственности на орудия, средства и производство. А остальное — это мур. Вот если это признает Зюганов, то это не коммунистическая партия.

01:21:35

Для него это бизнес, мне кажется, для этого Зюганова.

Что, простите?

01:21:38

Для него это зарабатывание денег, все эти идеи коммунистические.

Да.

01:21:42

Виктор Васильевич, у меня вот всё-таки по этому [поводу], скажите, помните ли вы окончание войны, 1945 год, как возвращались солдаты с войны? И вы вот говорили про маму, вы ведь тоже, наверное, думали, что всё-таки папа вернется? Вот об этом.

Валерий Николаевич, я вам с удовольствием сейчас отвечу, но, прежде всего, я вам скажу, что, во-первых, мама очень много документов уничтожила, а потом сгорел дом. И там пропало очень много. Вот я подозреваю, что те брошюры, о которых я вам говорил, тоже сгорели. Эта книжка уцелела, потому что она была, я ее давал друзьям читать налево-направо, ну конечно, проверенным людям. Хотя, наверное, кагэбэшники знали, что у меня от папы, от мамы осталась эта книга. Поэтому у меня фотографий нету почти, ну есть, конечно, вот я мамулю, написал...

01:22:53

Ну это потом, Виктор Васильевич, потом, ну потом мы фотографии, про 1945 год.

И еще, я думаю, вам будет интересно, Валерий Николаевич, пять лет назад я получаю письмо от некоей Таран... княжна такая, Катерина...

01:23:19

Тараканова.

Тараканова, да. От какой-то Таракановой Лидии Семеновны. Она там поместила свой телефон и пишет: «Виктор Васильевич, вы не можете мне позвонить? И, может быть, даже встретиться». Я позвонил, оказалось, что мой папуля и ее папуля был[и] под Нижним Тагилом вместе. И она хотела, чтобы я ей помог найти хоть что-нибудь о ее папе. Может быть, как-то и с моим папой. Ну я получил в 1993 году из ФСБ Нижнего Тагила, что братская могила заключенных заросла уже 30-летней березовой рощей и найти там что-нибудь невозможно. Хотя мы с Лидией Семеновной хотели поехать даже туда. У меня, как у — я сам ведь сидел — как у репрессированного у меня есть право проезда раз в году в любой конец нашей огромной страны. Но я не пользовался и поехать не мог, потому что, что там искать? Где? А вот насчет после войны. Мамуля, она же женщина. Она вела себя тише мыши. И мне тоже всё время говорит... И вот уже перед смертью, ей было 83, уже всю перестройку, свободно говорят, всё равно она мне говорила: «Не болтай, не болтай, не болтай, опять посадят, опять посадят». Знаете, в народе говорят: обжегшись на молоке, дуешь на воду. Вот мамуля была такая, я бы сказал, запуганная.

01:26:08

А в 1956 году как она восприняла доклад Хрущева и вы? Вот как отнеслась она к докладу Хрущева?

Простите, еще раз?

01:26:17

1956 год, XX съезд партии. Хрущев. О культе личности Сталина доклад. Как она отреагировала? Как вы отреагировали?

Валерий Николаевич...

01:26:30

Нет, это...

Сейчас. Вы уже должны сообразить, что она мне и сама ничего не говорила, и мне говорила: «Не смей разговаривать ни с кем, не болтай, что бы ни произошло в стране, хочешь есть еще раз?»

01:26:49

Но 1956 год — уже можно. Всё равно нельзя?

Вот, Валерий Николаевич, когда я туда приду, я ее там встречу, я ее там спрошу: «Мамуля, почему?..» Одно только — страх. Страх. Страх. Это такое у женщин еще обостренное чувство, Валерий Николаевич, поэтому всё прощательно. Всё, что она — сожгла письма, уничтожила, а потом еще сгорело всё это вместе с домом.

01:27:38

Виктор Васильевич, а после доклада Хрущева, тем не менее, стали выпускать заключенных из тюрем, вот сталинских. Были ли среди ваших знакомых люди, которые возвращались из лагеря?

Простите, были какие знакомые?

01:27:54

Которые возвращались из сталинских лагерей.

Да, но после того как у нас стало послабление в 1970-е годы, помните, у меня очень много приятелей из тех, которые оттуда вернулись, махнули — кто во Францию, кто в Израиль, а кто в Америку. Уехали. И вот уже к 1990 году не осталось почти никого из тех, с которыми я общался. А потом началось вот то, что называется перестройкой. Тут стали печатать, писать, говорить что угодно. Я даже перестал выписывать «Литературную газету», потому что можно по телевизору увидеть и услышать что угодно.

01:29:16

Скажите, на ваш взгляд, понятно, это такие общие вопросы, для нашей страны последствия сталинского ГУЛАГа основные в чем?

Что, простите?

01:29:28

Последствия сталинского ГУЛАГа для страны в чем?

Я думаю, Валерий Николаевич, вы задаете очень серьезный вопрос, на который надо, конечно, ответить, подумав. Но на первый случай я скажу так. ГУЛАГ оставил во всем нашем народе до сих пор вот этот подкожный страх. До сих пор люди боятся друг друга, не признаются, не говорят друг другу, но боятся. Моя мамуля в этом смысле была самым большим выражением этого страха. Страх и до сих пор. Страх и еще лень. Нравственная... Нравственная и духовная лень-матушка. Не хотят разбираться. Вот, видимо, вы, Валерий Николаевич, в силу работы вашей, а может быть, даже душа у вас, сердце к этому лежит — разобраться, что за история нашей страны после 1917 года, после этого года переворота ужасного.

01:31:21

Что надо сделать, на ваш взгляд, чтобы — мы говорим про ГУЛАГ сейчас, — чтобы этого больше никогда не повторилось? Вот что надо сделать? Это такой же большой вопрос, понятно.

Вот, Валерий Николаевич, я об этом, поверьте, думал. Более того, я уже вам говорил, что я в 1965 году в МГУ выступил. Вот в марте этого года наступит 52 года, как прошло с того времени выступления. Я хотел бы сейчас опять перед студентами МГУ выступить с темой «Страна и время». Но мои друзья говорят, что этот Садов... Садовничий, вряд ли он разрешит. Хотя,

поверьте, я вам скажу, мне не нужно вас обманывать, я скажу только хорошее о сегодняшнем краю, хотя есть много плохого, а плохое я могу сказать только начиная с 1917 года, с года переворота, с года начала убийств налево-направо. Вы, наверное, не знаете, как много Владимир Ильич Ульянов по кличке Ленин заимствовал у Великой французской революции. Даже способ убийства дворян. Был такой, сейчас не могу фамилию [вспомнить], француз, который собирал дворян в баржи и топил в Луаре. Потому что картечью расстреливать — это кровь, а тут топили. И вот у одного своего знакомого, он жил в свое время в Ярославле, и он говаривал, говорил мне о том, что в Ярославле было таких несколько случаев. Откуда это пришло? Это пришло из Франции, с так называемой Великой французской революции, которую изучал от безделья в Швейцарии, делать было нечего, и, на ворованные деньги живя, он [изучал]. И эти слова «враг народа» — это Марат сказал. «Приговорить к высшей мере социальной защиты», вы чувствуете какое словоблудие? «Приговорить к высшей мере социальной защиты». Как вы думаете, к чему? Да. Это сказал... Как, на «Р»...

01:35:11

Робеспьер.

Робеспьер. Марат говорил «враг народа», это его словечко. Ленин это позаимствовал, и это тоже заимствовал, всё заимствовал. Всё.

01:35:22

Виктор Васильевич, я вот хотел немножко вернуться, хотел еще немножко о вашем папе. Вы рассказывали про маму. Очень интересно. А вот каким вы запомнили папу? Вы же его не...

Мамулю?

01:35:35

Нет, папу, папу. Про маму вы рассказывали.

Валерий Николаевич, вы меня простите, что я напоминаю еще раз. Вся моя память связана со сладкими...

01:35:52

Я помню.

Вот я вспоминаю, когда он внизу, эту пилу, вы знаете, что такое? Это пила чуть ли не трехметровая. Один сверху, и вот я его помню. Он мне говорит: «О, Витюшка, смотри, вот». Конфетка, правда. Потом еще одна. Ну, вот это я запомнил. И, конечно, я запомнил вот эту его форму из этой, наверное цыгейка, когда мы его провожали последний раз к станции, и он опять угостил меня из этой синенькой палаточки пирожным. Я знаю с разговоров мамули: метр восемьдесят четыре. Он хотя бы одного немца за собой туда унес. Нам было бы всем легче. Вы знаете, я только со слов мамы могу судить, каков был мой папуля, Валерий Николаевич.

01:37:10

Что она рассказывала, да?

Она говорила, что, во-первых, это семья кузнецов. Насколько я помню, она говорила, что кузня в деревне была на краю. На краю. И объясняла же мне сама мама, почему. Потому что если пожар... И еще она говорила, все кузнецы, почти все, были трезвенники. Потому что ляпнешь молотком или еще чем-нибудь по руке — и привет. Поэтому мой папуля, насколько я понимаю с рассказа моей мамули, был почти трезвенник. И я думаю, что если вот он... Я не знаю, кто здесь вычеркнул, зачеркнул фамилии и вырезал фотографии, я не могу сейчас понять, кого он вырезал. Может быть, и не он. Но эта книга, если верить мамуле, была ему дорога. А вот почему? То ли потому, что он с величайшим сочувствием относился к этим строителям и ненавидел этого типа. А почему хранил, вот... Знаете, я таким образом, Валерий Николаевич, вам сказал, что у меня общение с ним и память связаны только со сладостью. Ну что мне было, пять лет? А уж Галина его и не видела. Она родилась в октябре. И она кончила юрфак. Мама меня держала на дневном факультете, а возможности мамулины не позволяли Галину в дневном. Она кончила юридический вечерний. Понимаете?

01:39:55

Виктор Васильевич, вы знаете, чтобы... Я очень вас прошу, если можно, еще раз

самое начало, как вашего папу забрали в армию, как его посадили и отправили в Нижний Тагил.

Мою мамулю?

01:40:09

Мамулю... Маму и папу. Вы не могли бы повторить?

Да.

01:40:13

Вот это и про маму, и про папу. Сейчас, сейчас.

Валерий Николаевич...

01:40:18

Пожалуйста.

Валерий Николаевич, как арестовали папу, я не знаю, потому что он в это время учился в этом военном авиационном училище. Это было без меня. Да и мамулю я тоже не знаю. Потому что в конце октября 1941 года мамуля меня повезла к бабушке в деревню, имея в руках грудную Галину. И она вернулась. И здесь, видимо, ее...

01:41:01

Нет, вы знаете, Виктор Васильевич, история, что она опоздала на завод. Просто повторите.

На 15 минут.

01:41:06

Да, вот расскажите об этом, пожалуйста, еще раз.

Да. В далеком 1941 году, как вы помните все, началась война, 22 июня. Мамуля мне говорила уже потом, после войны, что началось в это время в Москве. Она употребляла крепкое словечко. Она говорила: бардак. После начала войны в Москве начался бардак. Трамваи плохо ходили. И она, работая на военном заводе, должна была ехать на трамвае, который назывался «Аннушка». А поскольку в стране и в Москве был вот этот беспорядок, то трамваи ходили с опозданием. Не только с опозданием, но и пропуск... пропуск был. Не ходили вообще. Мама опоздала на «Аннушке» на 15 минут на военный завод. Я это говорю с ее слов. И на нее возбудили дело уголовное. Я знаю только потом уже, не когда мне было пять лет она это говорила, уже после войны, когда мне было 10 лет, а может быть, даже 11. И приговорили ее к году принудительных работ под Клином, рыть окопы и противотанковые рвы. Ей пришлось там работать целый год, отвезя предварительно меня к бабушке в деревню вместе с Галиной.

01:43:55

Ну в тот момент, когда ей присудили, она же беременная была. В тот момент, когда ее — вот об этом.

Да. Она была беременна уже, когда началась война. Родила 3 октября Галину. И уже в конце октября она уже была отправлена рыть эти котлованы и окопы.

01:44:24

А как ваш папа оказался в Нижнем Тагиле? Вот как он в больнице умер — вот это расскажите еще раз.

Этого... Валерий Николаевич, я не...

01:44:32

Ну как вы рассказывали, как рассказывали, повторите.

...не могу знать, потому что...

01:44:36

Ну да.

Его как арестовали... Я могу только о себе, как это могло произойти... Наверное, его тоже... Тогда ведь очень часто пользовались не столыпинскими вагонами для пересылки заключенных. Заключенных было так много, что их возили в товарных вагонах. Кажется, они называются теплушки. Наверное, папу отправили в Нижний Тагил в теплушке. И по всему, без еды. Год был тяжелый, 1942-й, как вы знаете по истории. Он, наверное, эти пути, дороги там голодал со всеми остальными. Недаром прожил всего-навсего с июля до 26 февраля. Как посчитать эти месяцы на пальцах одной руки можно.

01:45:53

Виктор Васильевич, 1953 год, умер Сталин. Помните ли вы этот момент, когда умер Сталин, и как вокруг вас реагировали на эту смерть?

Мне не хочется, Валерий Николаевич, сочинять, я вам скажу только то, что знаю я. Как все остальные, я не знаю, ведь он умер в 1953 году. Я учился в этом [году] уже на первом курсе художественного училища. Я помню, что студенты, ну не знаю, насколько серьезно и искренне, плакали. Я не плакал. Я знал папу, я знал маму. Мама сказала, это я хорошо помню: «Сдох змей». Валерий Николаевич, «сдох змей».

01:47:16

В училище же, наверное, вас собирали, собрание устраивали. Расскажите об этом.

Что вы! А как же! У нас был, как это называется, портрет его черной лентой вокруг. И там что-то еще написано, но я, памятуя слова мамули, только об этом думал. Поверьте, ни слезинки. С какой стати? Мой папуля, метр восемьдесят четыре, замечательный работник, кузнец первостатейный, мама говорила. Ведь надо было купить попский... поповский дом. Это большие деньги по тем временам. Перевезти, это тоже. А он уже в Пушкино с 1931 года здесь был. Ему хотелось пристроиться не в деревне, а в городе.

01:48:29

Виктор Васильевич, когда вы учились в школе, потом в училище, среди ваших сокурсников и школьников были, много было детей, у которых тоже родители пострадали? Или вы об этом не знаете?

Валерий Николаевич, мне не хочется говорить неправды. Я особенно это не помню. Должен вам сказать, что всё-таки я, еще раз вам говорю, что я с отличием учился, я добросовестно занимался, и потом каждые каникулы, и зимние, и летние, я работал, подрабатывал, подрабатывал деньги для семьи. Мне особенно общаться-то было с моими друзьями некогда. Это только когда я уже учился в институте, уже, конечно, круг знакомств вырос. А тем более у меня появились друзья, так называемые диссиденты. Инакомыслящие. И таких друзей было много.

01:49:51

Виктор Васильевич, о реабилитации. Когда реабилитировали вашего папу и реабилитировали маму?

Сейчас скажу.

01:49:59

Да, про реабилитацию.

У меня был друг. В 64 года от рака умер. У него хорошая была сестра старшая, Галина Ивановна. И как-то она мне говорит: «Виктор», — мы с ней были на «ты». Она мне говорит: «Виктор, а почему ты не хочешь себя реабилитировать?» Она знала, что я сидел. Я говорю: «А зачем мне это надо?» Она говорит: «Напрасно. Там есть какие-то льготы. Ты будешь пользоваться льготами». И вот это слово, эти льготы, меня отправило в КГБ на Лубянку. Я попал на прием. Написал заявление о том, чтобы меня реабилитировали. Подписал и это заявление протягиваю молодому человеку, [нрзб]. Я его спрашиваю: «Вот моего папулю нельзя реабилитировать?» А он меня спрашивает: «А что, у вас папа тоже репрессированный?» Я говорю: «Да». — «Напишите». И я написал еще одно заявление. И через две недели они уже вызывают меня открыткой, чтобы я приехал в Москву и получил эти документы о реабилитации, и мое[й], и папули. А вот о мамуле не было речи. И мама никогда не заводила речь. Боюсь, что и в этом смысле ее тоже страх удерживал, чтобы лишний раз не напоминать о себе. Понимаете? Нет. Не пыталась. И я, к стыду своему, не сделал ничего. Да... Ну что там,

один год. И потом, я подозреваю, Валерий Николаевич, что это у нее дело пошло как уголовное. Это же опоздание на завод. Я не думаю, чтобы это было политическое дело. Поэтому ее реабилитации нет. Но зато ненависть у нее была ко всем. И особенно к Джугашвили.

01:53:22

Виктор Васильевич, ну я вроде бы, сейчас, извините, одну минуту. Можно еще вопросы?

Извольте, я вас не тороплю. Валерий Николаевич, я вас никуда не тороплю. Наоборот, я беспокоюсь, что вы голодные.

01:53:34

Нет, нет, нет.

Да что-то... Лидия Дмитриевна не приезжает. Пора бы уже.

01:53:38

Она пришла. Они уже пришли давно.

Она уже была?

01:53:40

Да.

Да? А, да, вижу ее.

01:53:45

Да-да-да. Сейчас, одну секунду. А, вот, последний вопрос. Последний вопрос. Скажите, вот есть такое выражение, ну про Нюрнбергский процесс. Нужен ли вот Нюрнбергский процесс наш, над коммунистами? Или это уже...

Вот, может быть, вы обратили внимание, что я вам сказал, назвал фамилию главного следователя, который меня вез из Пушкино, Быков Вениамин Михайлович. Пока мы ехали в этом... в этой машине, я ему говорю: «Вениамин Михайлович, в принципе, надо сейчас против, — заметьте, это 1969 год, — против вас, всех кагэбэшников, которые зверствовали при Ленине, при Сталине, затеять такой же суд, как был в Нюрнберге». Он мне говорит, не поленился, всё-таки, я думаю, что у него была какая-то совесть, он мне говорит: «Что вы говорите, Кузнецов, что это, еще волну репрессий? Вы знаете, сколько нас?» И всё, больше ничего. Вот это я запомнил. Остальное, видимо, мы не очень-то разговаривали.

01:55:45

Но это сильно, это сильно.

Да.

01:55:48

А вы как считаете сами, надо или нет?

Вот, Валерий Николаевич, должен вам сказать, что я, уж простите за грубое слово, с удовольствием, простите, еще раз говорю, грубое слово, с удовольствием нагадил бы на могилы рыжего, рыжий — это Владимир Ильич Ульянов по кличке Ленин, на Сталина, Джугашвили, бандита, насильника, изувера и палача, Андропова, Хрущева, на всех, на всех бы нагадил, они все... А вы знаете, сколько крови пролил Хрущев, когда он стал генеральным, первым секретарем Украины? О! Вы в эти газеты не заглядывали, а я копался в 1960-е годы. Да и когда в институте учился, меня это тоже интересовало. Ух, ни одного там нет человека, у которого не было крови. Ну, может быть, только у Брежнева, но сколько у него в тюрьме...

01:57:36

Виктор Васильевич, ну так и всё-таки всё равно мой...

Нет, не надо. Зачем, Валерий Николаевич? Вы знаете, не поверите, я когда смотрю телевизор, я не люблю, когда там показывают кровь. И я не заглядываю в помойки. Это грязь, это всё

противно. И вот если начать этот новый Нюрнбергский процесс против этих, это опять грязь. Это нравственное и духовное уродство видеть и показывать. Я не хотел бы это. Мне нравственное мое состояние и духовное дороже, и не только мое. Я думаю, что и всему нашему народу перемывать это грязное белье сейчас не следует. Провались пропадом.

01:58:55

Виктор Васильевич, спасибо вам огромное!